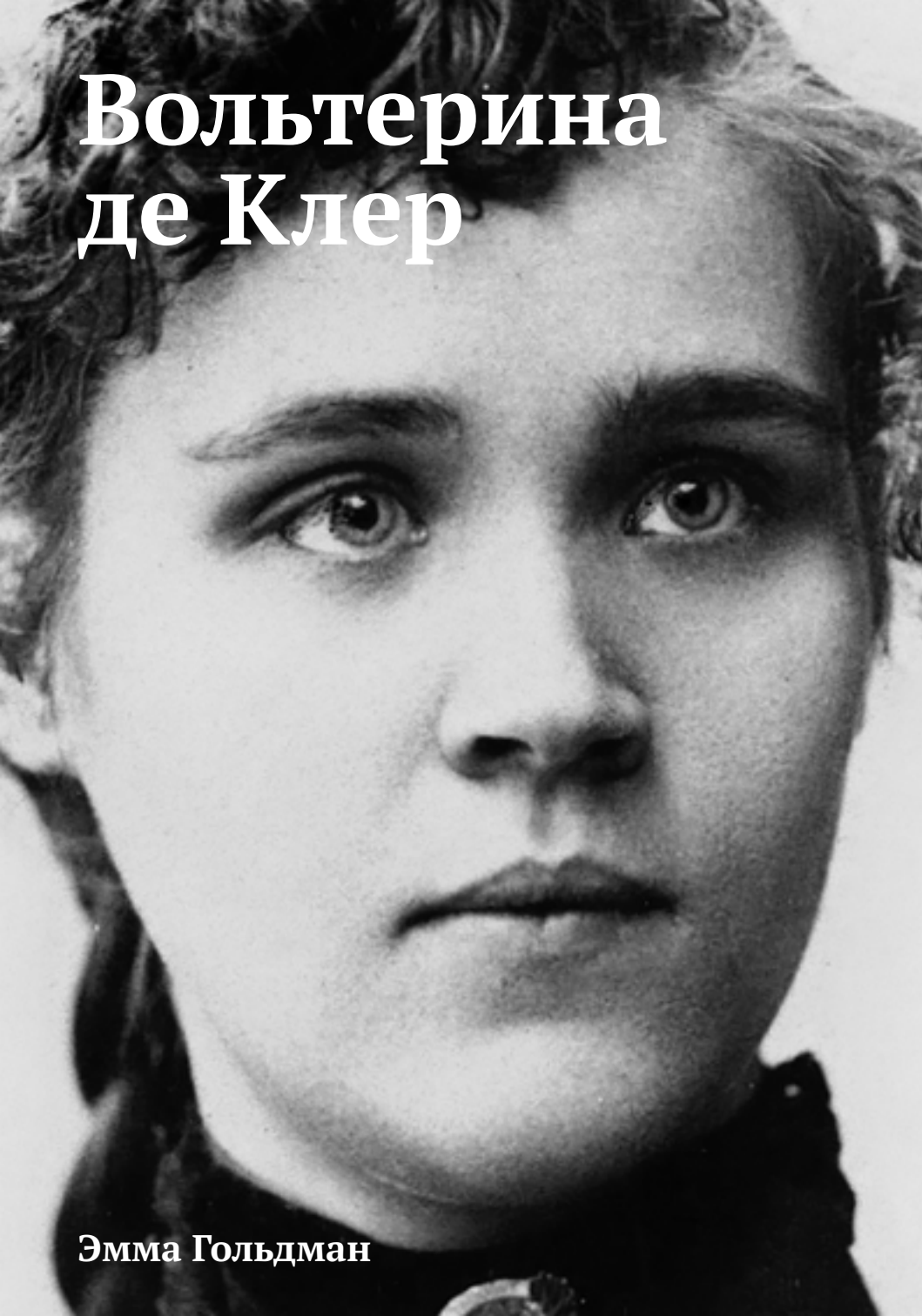

Вольтерина де Клер

A black and white portrait of Emma Goldman, showing her face from the chest up. She has dark, curly hair and is looking slightly upwards and to the left with a serious expression. She is wearing a dark, high-collared garment.

Эмма Гольдман

Перед Вами — первый русскоязычный перевод блестящего эссе Эммы Гольдман «Вольтерина де Клер», впервые опубликованного в 1932 году издательством The Oriole Press в Беркли-Хайс в Нью-Джерси и посвящённого одной из самых выдающихся мыслительниц Америки.

Эмма Гольдман создаёт её портрет многомерно, сложно, выразительно и с высоким мастерством — ничуть не уступая в нём родоначальникам жанра художественной биографии — С. Цвейгу или А. Моруа.

Она исследует жизнь Вольтерины де Клер сразу в нескольких проекциях: историко-политической — позволяющей охватить взглядом контекст её личностного становления, её воспитания и поворотных моментов её судьбы; психологической — позволяющей понять её характер, темперамент, поступки, многие значимые в её жизни шаги; экзистенциальной — раскрывающей панораму её сложного внутреннего пути и поисков, её тонкого мироощущения и собственных способов пребывания среди языка, природы, других людей и истории. Интересно раскрытие гендерной проекции, проясняющей катастрофы и раны не только личной и глубоко интимной, но и социальной жизни Вольтерины де Клер — во всей необычности её женского типажа для своей эпохи.

Эмма Гольдман много обращается к фрагментам её очерков, дневников и даже стихотворений, как бы приглашая нас искренне удивляться их невероятной художественной насыщенности, их ницшеанской напряжённости и выразительности, их самобытности и неповторимости, в том числе на фоне общеизвестных анархистских дискурсов начала XX века.

Мы рады, наконец, познакомить Вас с этим впечатляющим текстом и надеемся, что это хотя бы немного поможет стряхнуть пыль незаслуженного забвения с образа несравненной анархистской мыслительницы Вольтерины де Клер.

*Искренне Ваша,
команда An-Fem*

Эмма Гольдман

«Вольтерина де Клер»

Вольтерина де Клер

*Взметнись ввысь, о ревущее пламя!
В небо взметнись, чтобы все прозрели.
Рабы мира! Мы поднимаемся из Единого;
Одно его имя — неизбывный позор;
Другое — борьба. Это единое —
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. За его мы сразимся свободу.*

Впервые я встретила её — самую талантливую, самую драгоценную американскую анархистку, когда-либо жившую на свете, в августе 1893 года в Филадельфии. Я приехала в этот город, чтобы выступить с речью перед безработными во время великого кризиса того года, и мне не терпелось посетить Вольтерину, в чьих исключительных лекторских способностях я уже имела возможность убедиться в Нью-Йорке.

Я застала её больную в постели, к голове был приложен лёд, а её лицо было искажено болью. Она рассказала мне, что каждый раз после публичных выступлений она была прикована к постели в постоянной агонии от неврологического заболевания, которое у неё развилось в раннем детстве, и которое усугубляется с годами. Я постаралась не задерживаться в гостях надолго из-за очевидных страданий Вольтерины, хотя она мужественно пыталась скрыть свою боль от меня.

Однако у судьбы часто злые шутки. Вечером того же дня Вольтерина де Клер была вынуждена втиснуть своё хрупкое страдающее тело в плотно набитый душный зал, чтобы выступить вместо меня. По требованию нью-йоркских властей защитники закона и противники беспорядков в Филадельфии схватили меня, когда я собиралась войти в зал, и отвели меня в полицейский участок города «братской любви».

В следующий раз я встретила Вольтерину в тюрьме острова Блэквелл. Она приехала в Нью-Йорк, чтобы выступить с блестящей речью в защиту Эммы Гольдман и свободы слова, а после она намеревалась навестить меня в тюрьме. С этого времени и до самой её смерти наши жизни и наша работа часто соприкасались — то гармонично соединяясь, то расходясь. Но неизменно Вольтерина оставалась в моих глазах сильной личностью с блестящим умом, пылкой идеалисткой, непоколебимым борцом и верным товарищем.

Одной из самых поразительных её черт была необычайная способность преодолевать физические страдания. Эта черта вызывала уважение даже у её врагов, а у друзей — любовь и восхищение. Ключ к объяснению подобной силы в столь хрупком теле можно найти в блестящем эссе Вольтерины «Определяющая идея».

«Всё, что живёт, — пишет она в нём, — если приглядеться, ограничено теневой линией идеи — мёртвой или живой; иногда более сильной, когда она мертва — с жёсткими, непоколебимыми линиями, со следами живого, которое и является воплощением строгости, неподвижности, слепком неживого. Ежедневно мы перемещаемся среди этих непреклонных теней, менее проницаемых и более стойких, чем гранит, наполненных тьмой веков, возвышающихся своими застывшими и неизменными душами над живыми и изменчивыми телами. Мы также встречаемся с живыми душами, одухотворившими эти умершие тела, — через их живые идеи, преодолевшие энтропию и смерть. Не думайте, что я говорю только о человеческой жизни. Проявление сильной или слабой воли присуще и травинке, укоренившейся в своём комке земли, как в тонкой паутинке бытия, свободно плывущей над нашими головами».

Иллюстрируя образ сильной Воли, Вольтерина рассказывает историю о виноградных лозах, которые поднимались над окном её комнаты:

«Каждый день они развевались на ветру, их белые и пурпурно-пунктирные виноградинки подмигивали солнцу, сияя от цветущей жизни. Но однажды случилось несчастье: какой-то ребёнок сорвал одну из нижних лоз, самую прекрасную и устойчивую. Через несколько часов листья поникли, сочный стебель начал увядать. В тот же день она стала умирать вся. Лишь её верхушка всё ещё тянулась к свету своей поднятой светлой головой. Я с печалью оплакивала почки, которые теперь никогда не смогут открыться. И жалела эту гордую виноградную лозу, чьё дело было потеряно для этого мира. Но на следующую ночь случилась гроза — тяжёлая, штормовая, с проливным дождём и ослепительными молниями. Я встала, чтобы наблюдать их вспышки, и — о чудесный мир! В темноте ночи, в ярости ветра и дождя, мёртвая лоза зацвела. Белые, с лунными лицами, цветы радостно оплетали скелет увядающей лозы, торжествуя в свете молнии. И целых три дня подряд мёртвая лоза цвела. Даже спустя неделю, когда

каждый лист стал сухим и коричневым, последний бутон — карликовый, слабый и хрупкий, но всё еще белый и нежный, с пятью фиолетовыми пятнами — похожими на те, что на живой лозе рядом с ним, раскрылся и помахал звёздам, словно ожидая раннего солнца. Смерть и разложение затмила своей улыбкой Определяющая идея; в мире должна была цвести лоза, чтобы явить ему белые, залитые пурпуром бутоны своих цветов. И она сумела воплотить свою волю и удержаться в ней до самой смерти».

Определяющая идея была основой всей невероятной жизни Вольтерины де Клер. Хотя она постоянно страдала от слабого здоровья, которое удерживало её тело в плену и, в конце концов, погубило её, Определяющая идея питала Вольтерину, побуждая её ко всё более великим интеллектуальным подвигам; она поднимала её до самых высот возвышенного идеала и укрепляла её волю. Так она могла одолеть любое препятствие в своей тяжёлой жизни. Снова и снова, в дни физических мучений, в периоды отчаяния и духовных сомнений, Определяющая идея давала крылья духу этой женщины — крылья, чтобы

подняться над непосредственным, созерцать сияющее видение человечества и посвятить себя этому со всем пылом её беспокойной души.

Мучения и страдания, преследовавшие её на протяжении всей её жизни, отражены во многих её текстах, и особенно в трактате «Страдания тела»:

«Я всегда хотела не большего, чем любые другие живые существа, — рассказывает она, — широкого потока чистого воздуха; редкого дня, в котором можно лежать на траве, ничего не делая, лишь перебирая пальцами травинки и наблюдая за синей аркой неба и за зелёными и белыми пятнами окружающего мира; возможности остаться на природе на месяц, чтобы плавать среди пены и соляных гребней, или прикасаться обнажённой кожей к чистому, залитому солнцем песку; наслаждаться едой, которая мне нравится, и чувствовать её сладость; возможности спать, когда сну приходит время начаться, и неподвижности во сне, и чтобы сон мог покинуть меня, когда это будет нужно, но не раньше. Вот чего я хочу. И ещё — возможности свободно общаться с моими товарищами. Не прятать любовь за ложью и стыдом, а любить и говорить, что любишь, и радоваться этому; чувствовать потоки страсти, затопляющей меня, тело к телу, когда они встречаются в своём первозданном влечении. Я никогда не просила больше. Но я ничего не получила. Надо мной сидит безжалостный тиран — душа. Вся прочая я для него — ничто. Он привёл меня в город, где воздух горит огнём и лихорадкой, и сказал: «Дыши этим». Я хотела учиться, но я не могла учиться в пустых полях. «Здесь есть храмы, останься», — сказал мне он. И когда мои бедные, задыхающиеся легкие болели так, что, казалось, грудь вот-вот лопнет, душа сказала: «Тогда я позволю тебе передохнуть час или два; мы поедem верхом, и я возьму свою книгу и буду читать». И когда мои глаза выплакали слёзы боли, вызванные мимолетным видением образа свободы, проплывающего мимо, только для того, чтобы взглянуть на Великий зелёный [и] синий час, после долгого, тускло-красного ужаса стен, душа сказала: «Я не могу тратить время впустую; я должна знать! Читать».

С тех пор, когда мои уши слышали пение сверчков и музыку ночи, душа отвечала: «Нет, если прислушаться, гонги, свистки и крики неприятны; но приучи себя прислушиваться к внутреннему голосу, и они сразу утратят своё значение...».

Когда я смотрела на свою семью и хотела обнять всех, страстно желая прикосновений и поцелуев, душа строго приказывала: «Прекрати, [мерзкое] создание плотских похотей! Какой срам! Неужели ты навсегда опозоришь меня своим зверством?». И я всегда уступала, безмолвная, безрадостная, скованная, я шла по миру, выбранному душой... Теперь я сломлена раньше времени. Обескровленная, я не могу спать и дышать, я наполовину ослепла, у меня болит каждый сустав, я дрожу как лист».

И всё же, хотя сама Вольтерина была измучена и разбита, а её жизнь была лишена музыки, славы неба и солнца, и тело ежедневно восставало против своей тираничной правительницы, всё же душа Вольтерины побеждала благодаря Определяющей идее, которая давала ей силы до последнего идти вперед.

Вольтерина де Клер родилась 17 ноября 1866 года, в городе Лесли, штат Мичиган. Её предки по отцовской линии происходили из Франции, а по материнской были пуританами. Революционные идеи достались ей в наследство от деда и отца, воодушевлённых духом революции 1848 года. Но если её дед оставался верен ранним настроениям, даже в конце жизни помогая беглым рабам на подземной железной дороге, её отец, Август де Клер, который начинал как вольнодумец и коммунист, на закате жизни вернулся в лоно католической церкви и стал таким же её страстным фанатиком, каким был её противником в молодости. Из-за своего свободомыслия он назвал свою дочь Вольтериной — в честь Вольтера. Но воцерковившись, он стал одержим идеей, что его дочь должна принять монашество. Другой возможной причиной одержимости

Августа де Клера религией могла стать бедность семьи, в результате которой первые годы жизни маленькой Вольтерины были совсем не радостными. Даже в детстве она мало интересовалась внешним миром, почти полностью погружённая в свои фантазии. Она очень сильно хотела попасть в школу, и когда ей отказали в приёме из-за слишком юного возраста, она заплакала горькими слезами.

Однако вскоре она добилась своего, и в возрасте двенадцати лет окончила гимназию с отличием. Вероятно, она превзошла бы большинство женщин своего времени в образованности и учёности, если бы в её жизни не произошла первая большая трагедия — трагедия, которая сломала её тело и оставила неизгладимый шрам на душе. Отец поместил её в монастырь против её воли, а также против воли её матери, принадлежавшей к Пресвитерианской церкви и боровшейся — понапрасну — с решением своего мужа. В монастыре Богоматери озера Гурон в Сарнии провинции Онтарио в Канаде началась четырёхлетняя Голгофа будущей бунтовщицы против религиозных суеверий. В своём эссе «О становлении анархистки» она выразительно описывает страшные испытания тех лет:

«Как жаль мне себя теперь, когда я вспоминаю всё это: бедная сиротливая маленькая душа, одиноко сражающаяся во мраке религиозного суеверия — неспособная верить, но всё же ежечасно боящаяся проклятия, если немедленно не признаться и не исповедаться. Как хорошо я помню ту злую энергию, с которой я воспротивилась приказу настоятельницы, сказав ей, что не хочу извиняться за свой поступок, так как не считаю себя неправой и не прочувствую своих извинений должным образом. «Вовсе не обязательно, — возразила она, — чтобы мы чувствовали то, что говорим, но всегда необходимо, чтобы мы подчинялись вышестоящим». «Я не стану лгать», — горячо ответила я и в то же время задрожала, боясь, что моё непослушание окончательно обречёт меня на мучения... Это было похоже на долину смертной тени. Невежество и суеверие, обжигавшие меня адским огнём в те душевные дни, оставили в моей душе белые шрамы. Разве я богохульствую? Это их слово, а не моё.

Кроме той битвы все прочие битвы моей юности были лёгкими, ибо отныне всё могло возвыситься через мою собственную волю. Она больше никому не была подчинена и неуклонно влекла меня в одном-единственном направлении, позволяя осознавать и утверждать собственную свободу со всей добавляющей ответственностью».

Однажды терпение Вольтерины подошло к концу, и она попыталась сбежать из ненавистного места. Она переправилась через реку в Порт-Гурон и прошла семнадцать миль, но до дома было всё ещё далеко. Голодная и измученная, она вынуждена была повернуть назад, чтобы найти убежище в доме знакомой семьи. Но они позвали её отца, который забрал девочку обратно в монастырь.

Вольтерина никогда не говорила о наложенной на неё епитимье, но это, скорее всего, было мучительно, потому что из-за монашеской жизни её здоровье сильно пошатнулось, когда ей едва исполнилось шестнадцать лет. Но она осталась в монастырской школе, чтобы закончить учёбу. Жёсткая самодисциплина и настойчивость, которые так ярко характеризовали её личность, проявились уже в юности Вольтерины. Но когда она, наконец, вышла из своей тюрьмы, она изменилась не только физически, но и духовно. «В конце концов,— пишет она,— покидая это скорбное место, я выбралась на волю свободомыслящей, хотя никогда не видела ни одной книги и не слышала ни одного слова, которое помогло бы мне в моём одиночестве».

Выйдя из этого склепа, она похоронила ложного бога. В своём стихотворении «Погребение моего мертвого прошлого» она пишет:

*«А теперь, Человечество, я обращаюсь к тебе;
Я посвящаю своё служение миру!
Погибни, старая любовь, добро пожаловать в новый мир —
Широкие, как космос, коридоры, где кружатся звёзды!»*

С жадностью она посвятила себя изучению свободной мысли. Её бдительный ум с лёгкостью впитывал всё. Вскоре она

присоединилась к антирелигиозному движению и стала одной из его выдающихся фигур. Её лекции, всегда тщательно подготовленные (Вольтерина не признавала импровизированные речи), были очень оригинальны по содержанию и блестящи по форме. Её обращение к Томасу Пейну, например, превзошло письмо Роберта Ингерсолла, несмотря на всё его красноречие.

Во время съезда памяти Пейна в одном из городков Пенсильвании Вольтерина де Клер случайно услышала Клэренса Дэрроу, рассказывающего о социализме. Впервые ей была показана экономическая сторона жизни и социалистическая схема будущего общества. О том, что в мире существует несправедливость, она знала, конечно, по собственному опыту. Но здесь был тот, кто мог так мастерски проанализировать причины экономического рабства со всеми его пагубными для людей последствиями; и более того, тот, кто мог так же чётко очертить определённый план реконструкции общества. Лекция Дэрроу была манной небесной для духовно изголодавшейся девушки. «Я бежала к нему, — писала она позже, — как человек, который барахтался в темноте, бежит к свету, я теперь смеюсь над тем, как быстро я приняла ярлык «социализм» и как быстро я отбросила его в сторону».

Она отбросила его в сторону, потому что поняла, как мало она знает об исторической и экономической подоплёке социализма. Осознание полной картины привело к тому, что она перестала читать

лекции на эту тему и начала углубляться в тайны социологии и политической экономии. Но так как серьёзное изучение социализма неизбежно приводит к более передовым идеям анархизма, врождённая любовь Вольтерины к свободе не могла примириться с государственными представлениями о социализме. Она обнаружила, писала она в то время, — что «свобода — это не дочь, а мать порядка».

В течение нескольких лет она считала, что нашла ответ на свои поиски свободы в системе анархо-индивидуализма, изложенной в публикации Бенджамина Р. Такера «Свобода», в работах

Прудона, Герберта Спенсера и других социальных мыслителей. Но позже она отбросила все ярлыки, назвав себя просто анархисткой, потому что считала, что «только свобода и эксперимент могут определить лучшие экономические формы общества».

Первый импульс к анархизму был связан для Волтерины де Клер с трагедией в Чикаго 11 ноября 1887 года. Отправляя анархистов на виселицу, власти штата Иллинойс наивно полагали, что вместе с ними они убьют идею, за которую те отдали свои жизни. Какая бессмысленная ошибка, постоянно повторяемая теми, кто сидит на престолах! Тела Парсонса, Списа, Фишера, Энгеля и Лингга были еще тёплыми, когда родился новый голос, чтобы провозгласить их идеалы.

Вольтерина, как и большинство граждан Америки того времени, поверивших извращённым в прессе фактам, сначала присоединилась к призывам повесить мятежников. Но её пытливый ум не позволял ей долго довольствоваться поверхностными высказываниями. Вскоре она стала сожалеть о своей спешке. В своём первом обращении по случаю годовщины 11 ноября 1887 года Вольтерина, всегда предельно честная с собой, публично заявила, как глубоко сожалеет о том, что присоединилась ко всеобщим призывам «Их следует повесить!» — что было вдвойне жестоко со стороны убеждённой противницы смертной казни.

«За это невежественное, возмутительное, кроваважное восклицание я никогда не прощу себя, — заявила она, — хотя я знаю, что мертвецы простят. Но мой собственный голос, который звучал в ту ночь, будет звучать в моих ушах, пока я не умру, — как горький упрёк, вызывающий стыд».

Так героическая смерть в Чикаго стала истоком жизни, посвящённой идеям, за которые люди были преданы смерти. С того дня и до самого конца Вольтерина де Клер использовала своё мощное перо и мастерство речи во имя идеала, который стал единственным смыслом её жизни.

Вольтерина де Клер была необычайно одарённой: поэтесса, писательница, лектриса и лингвистка, она могла бы легко достигнуть высокого положения и известности. Но она была не из тех, кто продавал свои таланты. За свою деятельность в различных общественных движениях, которым она посвящала себя в течение жизни, она не приняла бы даже самых простых привилегий. Она пыталась устроить свою жизнь в соответствии со своими идеями, жить среди людей, которых она учила и вдохновляла своим страстным стремлением к свободе. Эта революционная весталка жила как беднейшая из бедных, среди мрачного и убогого окружения, неустанно пребывая в предельном напряжении, не обращая внимания на невзгоды, — поддерживаемая лишь идеями анархизма.

Преподавая языки в гетто Филадельфии, Нью-Йорка и Чикаго, Вольтерина зарабатывала на жалкое существование, но из своего

скудного заработка она также поддерживала свою мать, и даже сумела купить рояль в рассрочку (она страстно любила музыку). При этом она умудрялась помогать и другим, менее выносливым, чем она. Даже её ближайшие друзья не могли объяснить, как ей хватало на это сил. Никто не мог постичь чудесной природы той невероятной энергии, которая позволила ей, несмотря на ослабленное состояние и постоянные физические муки, давать уроки по 14 часов в день, семь дней в неделю, вносить вклад в развитие многочисленных журналов и газет, писать стихи и рисовать, подготавливать и читать лекции, которые по своей красоте и ясности были несомненными шедеврами.

Короткое путешествие по Англии и Шотландии в 1897 году стало единственным облегчением от её ежедневной рутинной работы.

В 1902 году безумный юноша, который когда-то был учеником Вольтерины и каким-то образом развил своеобразное заблуждение, что она была антисемиткой (она посвятила большую часть своей жизни образованию евреев!), подкараулил её, когда она возвращалась однажды с урока музыки. Когда она подошла к нему, не подозревая о надвигающейся опасности, он выстрелил в неё несколько раз.

Жизнь Вольтерины была спасена, но последствия шока и ран стали началом новых страшных физических мучений. Она страдала от безумного, вездесущего шума в ушах. Она говорила, что

самые ужасные звуки в Нью-Йорке — сущая гармония по сравнению с оглушительным грохотом внутри её головы. Посоветовавшись с врачами, она отправилась в Норвегию. Она вернулась после некоторого улучшения, которое, впрочем, оказалось недолгим. Болезнь водила её из больницы в больницу, Вольтерина перенесла несколько операций, но это не приносило облегчения. Должно быть, именно в один из этих моментов отчаяния Вольтерина де Клер задумала совершить самоубийство. Среди писем одна её подруга из Чикаго, спустя много лет после её смерти, обнаружила короткую записку, без адресата, в которой с отчаянной решимостью говорилось:

«Сегодня вечером я собираюсь сделать то, что всегда собиралась. Возможно, я ждала тех обстоятельств, что возникли в моей жизни. Я сожалею только о том, что из-за своей духовной слабости я давно не могу влиять на свои личные убеждения и позволила себе принимать советы и обжигаться об них. Это избавило бы меня от года непрекращающихся страданий и сняло бы с моих друзей то бремя, которое, как бы любезно они его ни несли, всё же было бесполезным.

Согласно картине мира, которой я придерживаюсь, простой долг любого, кто страдает от неизлечимой болезни, — прекратить свои мучения. Если бы кто-нибудь из моих врачей сказал мне правду о моём заболевании, возможно, мучения не были бы такими долгими. Но, повинувшись тому, что они называют «медицинской этикой», они решили обещать мне невозможное — выздоровление, чтобы удержать во мне жизнь. Такие действия, конечно, позволяют им обезопасить себя, однако я считаю, что одно из главных преступлений медицинской профессии — ложь. Чтобы никто не был несправедливо обвинен, я бы хотела объяснить, что моя болезнь — это хронический катар головы, поражающий мои уши непрерывным шумом. Это не имеет ничего общего со стрельбой двухлетней давности, и никто ни в чём не виноват.

Я хочу, чтобы моё тело было передано в Колледж Ганемана для вскрытия в медицинских целях; я надеюсь, что доктор

Х.Л. Нортон возьмёт эти хлопоты на себя. Я не хочу ни церемоний, ни речей. Я умираю, как и жила, свободной духом анархисткой, не будучи верной никаким правителям, небесным или земным. Несмотря на то, что я скорблю о работе, которую хотела сделать, а время и потеря здоровья прервали её, я рада, что не прожила бесполезную жизнь (за исключением прошлого года), и надеюсь, что работа, которую я делала, будет жить и расти вместе с моими учениками, а знания, которые я получила, станут передаваться через них другим. Если мои товарищи захотят сделать что-нибудь для моей памяти, пусть напечатают мои стихи, которые хранятся у Н.Н. Ему я вверяю эту последнюю задачу по выполнению моих скромных пожеланий. Мои умирающие мысли все направлены на свободный мир, без нищеты и боли, и устремлены к возвышенному знанию».

Каких-либо объяснений того, почему Вольтерина, обычно такая решительная, отступила от осуществления своего замысла, не сохранилось. Вероятно, для неё вновь сыграла роль Определяющая идея: её Воля к жизни была слишком сильной.

В записке, проливающей свет на планируемое самоубийство, Вольтерина утверждает, что её болезнь не имела никакого отношения к стрельбе, произошедшей два года назад. Её намерение оправдать несостоявшегося убийцу, без сомнения, происходило из свойственного ей безграничного человеческого сострадания. Прежде оно уже побуждало её обращаться к своим товарищам за содействием в помощи молодёжи, а также стало причиной её отказа привлечь стрелявшего в неё юношу к уголовной ответственности. Она знала лучше судей как о причинах преступлений, так и о последствиях наказаний. Знала она и то, что, в любом случае, юноша был невменяем. Решением суда нападавший был приговорен к 7 годам тюрьмы, где он вскоре окончательно обезумел. Затем, два года спустя, он умер в психиатрической лечебнице. Отношение Вольтерины к преступникам и её взгляд на варварскую тщетность наказания раскрыты в её блестящем трактате «Преступление и наказание».

После глубокого анализа причин преступности она задаётся вопросом:

«Вы когда-нибудь наблюдали, как приходит море? Когда ветер выходит из тумана, а из воды вырывается громогласный рёв? Видели ли вы, как белые львы гонятся друг за другом к стенам, как яростно они преследуют друг друга вдоль чёрных полос своей клетки, чтобы уничтожить друг друга, а затем вновь появляются в прыжке? Задумывались ли вы когда-нибудь среди всего этого, какие именно капли воды ударяются о стену? Если бы кто-то мог знать всё на свете, ему было бы под силу рассчитать даже это. Но кто может знать всё? Нам же известно наверняка лишь одно: некоторые из них непременно должны удариться. Преступники — это капли воды, разбивающиеся о бездумную стену. Но почему среди прочих это случается именно с ними — нам не суждено узнать. Да, с некоторыми это случилось. Но не проклиняйте их, они и без того прокляты сполна...».

Она завершает своё замечательное разоблачение пенитенциарной системы призывом:

«Покончим же с безумной идеей наказания, не имеющей никакого отношения к мудрости. Станем работать над достижением свободы человека от угнетения, создающего преступников, и над созданием условий для просвещённого лечения безумцев!».

Вольтерина де Клер начала свою публичную деятельность как пацифистка, и в течение многих лет она последовательно выступала против революционных методов. Но события в Европе, пришедшие на последние годы её жизни, русская революция 1905 года, быстрое развитие капитализма в её собственной стране (со всеми вытекающими отсюда жестокостью, насилием и несправедливостью), а также мексиканская революция — изменили её взгляды на допустимые методы. Как всегда, после внутренней борьбы, Вольтерина увидела основания для изменения своей точки зрения — её широкая натура позволяла ей свободно признавать ошибки и смело обращаться к новому. По данному вопросу своё новое

видение она сформулировала в двух эссе: «О прямом действии» и «Мексиканская революция». Более того, она страстно включилась в борьбу вместе с мексиканским народом, стремившимся сбросить своё иго. Она писала, читала лекции, собирала средства для мексиканского дела. Иногда она даже проявляла нетерпимость к некоторым своим товарищам, так как они видели в событиях, происходящих по ту сторону американской границы, только одну фазу социальной борьбы, а не всеобъемлющий вопрос, обладающий первостепенной значимостью. Я была в числе суровых критиков этого взгляда, как и вся редакция журнала «Мать-земля», который я тогда издавала. Но Вольтерина часто осуждала меня за «напрасную трату» усилий на американскую интеллигенцию, так как я не отдавала себя борьбе рабочих с той же страстью, что и она.

Впрочем, зная её глубокую искренность, религиозное рвение, отразившееся во всем, что она делала, никто не возражал против её цензуры: мы всё равно продолжали любить её и восхищаться ею. Она настолько глубоко чувствовала проблемы Мексики, что начала изучать испанский язык, планируя туда уехать, чтобы жить и работать среди индейцев яки, и принять активное участие в революции. В 1910 году Вольтерина де Клер переехала из Филадельфии в Чикаго, где она снова занялась обучением иммигрантов. Одновременно она читала лекции, работала над историей Хеймаркетского бунта, переводила с французского биографию Луизы Мишель — «принцессы жалости и мести», как называл французскую анархистку Уильям Томас Сед, а также другие произведения иностранных писателей, посвящённые анархизму.

Постоянно мучаясь от своего ужасного состояния, она слишком хорошо знала, что эта болезнь вскоре погубит её. Но она переносила свою боль стойчески, не давая друзьям знать, как болезнь истощает её тело. Вольтерина смело боролась за жизнь — с невероятным терпением, но тщетно. Инфекция проникала всё глубже, пока не привела к образованию опухоли, которая требовала немедленной операции. У неё был шанс оправиться после неё, но яд успел распространиться в мозг. Первая операция повредила её память; она не могла вспомнить ни одного имени, даже самых близких друзей, которые присматривали за ней. Скорее всего, вторая

операция, если бы она выжила, лишила бы её способности говорить. Но вскоре неумолимая Смерть сделала ненужным этот научный эксперимент на измученном теле Вольтерины де Клер. Она умерла 20 (6) июня 1912 года и покоится на кладбище в Вальдхайме, рядом с могилой чикагских анархистов. Каждый год туда приезжает множество людей, чтобы почтить память первых американских мучеников-анархистов и с любовью вспомнить о Вольтерине де Клер.

Голые факты из жизни этой уникальной женщины нетрудно записать. Но их будет недостаточно, чтобы передать черты, сочетавшиеся в её характере, противоречия её души, эмоциональные трагедии её жизни.

В отличие от пути других великих бунтарей, путь Вольтерины был не слишком богат событиями. Хотя у неё и бывали конфликты с властями: несколько раз её насильно уводили с трибуны, арестовывали и судили за других. Но никогда не приговаривали к тюремному сроку. В целом её политическая деятельность протекала сравнительно гладко и без помех. Её борьба носила скорее психологический характер, а её горькие разочарования отчасти коренились в её собственном противоречивом существе. Чтобы понять трагедию её жизни, необходимо понять её основные причины.

Ключ к природе своих внутренних конфликтов дала нам сама Вольтерина. Он содержится в нескольких её очерках — в том числе

автобиографических. Так, из очерка «О становлении анархистки» становится ясно, что она не пыталась объяснить свой анархизм наследственной склонностью к сопротивлению: хотя в своей основе убеждения и связаны с темпераментом, всё же такое

объяснение было бы «вопиющей логической ошибкой, — пишет Вольтерина, — ведь благодаря ранним впечатлениям и образованию я должна была бы стать монахиней и всю свою жизнь прославлять авторитет в его наиболее концентрированной форме».

Нет сомнений в том, что годы в монастыре не только подорвали её здоровье, но также оказали разрушительное влияние на её дух; они убили в ней главные источники радости и веселья. И всё же, по всей видимости, аскетизм был также и органичной частью её личности, так как даже четыре года в живой могиле не смогли решающим образом повлиять на её образ жизни. По духу Вольтерина была аскетом. Её подход к жизни и идеалам был таким же, как у древних святых, которые бичевали свои тела и истязали свои души во славу Господа. Образно говоря, Вольтерина наказывала сама себя, словно в наказание за наши социальные грехи. Её бедное тело было покрыто нескладной одеждой, она отказывала себе даже в самых простых радостях не только из-за нехватки средств,

но и потому, что поступать иначе было бы против её принципов.

В каждом социальном и этическом движении были свои аскеты. Различие между ними и Вольтериной состояло в том, что они не поклонялись никаким другим богам и не нуждались ни в каких других идеалах, кроме собственных. Но с Вольтериной было не так. При всей её преданности социальным идеалам у неё был ещё один бог — бог Красоты. Её жизнь была непрерывной борьбой между этими двумя богами: её аскетическое начало настойчиво душило её стремление к красоте. Поэтическое же начало — так же решительно жаждало её, поклоняясь ей самозабвенно. Но лишь затем, чтобы вновь быть отброшенным её внутренним аскетом к другому божеству — к её социальному идеалу, её преданности человечеству. Вольтерине не дано было примирить эти силы. Такова природа её внутренней борьбы.

Природа оказалась очень щедро к Вольтерине, наградив её блистательным умом и богато чувствующей душой. Однако при этом она обделила её конвенциональной привлекательностью. Этот недостаток усиливался слабым здоровьем и отвращением к лицедейству. Никто не чувствовал этого так пронзительно, как сама Вольтерина. Страдание от отсутствия физического шарма рефреном повторяется в её автобиографическом эссе «Награда отступницы».

«...Вот моя давняя печаль. Моим богом всегда была красота, а я так некрасива, и никогда не была иной. Мои грубые конечности с самого детства лишены изящества. Я, та, для кого наслаждение взора всегда было подобно звёздному свету, освещающему высшее благо, сама обладаю лишь блёклыми и невыразительными глазами; сияние жизни бурлит, отбрасывая свои отблески лишь на точёные губы и подбородки, и потому винный кубок жизни никогда не касался моих губ ни для утоления жажды, ни для поцелуя. Я — землистого цвета. И за собственное уродство я заточена среди теней, потому что солнечный свет не в силах разглядеть меня, а мой бог не нисходит ко мне. Но однажды, затаившись в углу за завесой теней, я взглянула на красоту мира и испытала радость, доступную лишь тем, кто безобразен, тем, кто укрылся в безмолвии и уповании, забывшим себя и забытым другими. Здесь,

*внутри моего мозга, словно всё засияло. Мерцание умирающего солнца над побережьем, длинные золотые линии, разли-
тые между песком и морем, где скользящая пена ловит огонь,
чтобы загореться им и погибнуть. Здесь, в моём воображении,
в моей тихой потайной комнате, были любимые мной глаза
и губы, которые я не могла надеяться поцеловать, скульптур-
ная голова с вьющимися локонами. Всё это всегда было здесь,
в моём волшебном доме, доме, где жила Красота, в храме
моего бога. Я заперлась в нём от обыденности и уверовала.
Ни одно живое существо, в чьём теле, пусть даже временно,
обитает красота, не способно постичь того экстаза, кото-
рый испытывает тихое блёклое создание, жаба, прильнувшая
к земле, и взволнованная созерцанием Великой Красоты мира,
в которой, однако, не нашлось ни крупинки для неё самой».*

Эти слова дополнены описанием другого бога Волтерины де Клер — бога физической силы — создателя и разрушителя вещей, творца, заново пересобирающего мир. Отныне она вверилась и ему и готова была следовать за ним, не отставая — так сильно она полюбила его.

*«Но не этим тихим экстазом всё затопляющей радости
наполнил меня мой бог, но страстно пылающими огнями, вос-
пламеняющими мою кровь. «Я люблю тебя, люби меня в от-
вет», — стенала я, готовая броситься ему на шею. И тогда
он обернулся ко мне беспощадным вихрем и умчался прочь
над миром, оставив меня хромой, израненной, обессиленной,
с венами, наполненными свирепой болью, порывами свире-
пой боли. И я отползла назад в свою древнюю пещеру, хро-
мая, слепая и глухая, преследуемая навязчивой тенью сво-
его стыда и грохочущим эхом разгорячённой жаром крови».*

Я привожу столь подробную цитату, так как этот фрагмент наиболее ёмко передаёт панораму эмоциональных трагедий Волтерины, её одинокого выживания среди битв с судьбой, стойко и молчаливо перенесённых, но оставивших ей так мало из того, в чём она действительно нуждалась.

И всё же Вольтерина обладала собственным неповторимым шармом, который особенно проявлялся тогда, когда она негодовала по поводу несправедливости, либо когда её бледное лицо внезапно озарял внутренний свет её веры в идеалы. Однако мужчины, приходившие в её жизнь, редко оказывались способны почувствовать это; обычно они были слишком потрясены её интеллектуальным превосходством — впрочем, из любопытства заставлявшим их задержаться на какое-то время. Но истомившаяся душа Вольтерины де Клер жаждала куда большего, чем простое восхищение мужчин или способность впечатлять изяществом. Так или иначе, каждый из них «обернулся к ней беспощадным вихрем и оставил её одинокой, брошенной, и с голодным сердцем».

Это эмоциональное поражение Вольтерины — не исключительный случай. Это — трагедия множества интеллектуальных жен-

щин. Физическая привлекательность всегда была и, несомненно, всегда будет важным фактором в любовной жизни двух людей. И хотя сегодня сексуальные отношения существенно освободились от былой грубости и вульгарности, мужчины по-прежнему замечают в женщинах главным образом не ум и таланты, а именно телесную красоту. Конечно, это не обязательно означает, что они вообще предпочитают глупых женщин. Но всё же это означает, что большинство мужчин предпочитают красоту уму.

Возможно, это происходит потому, что мужское сообщество льстит себе, полагая, будто мужчина не нуждается в создании собственного эстетического образа, и что ему вполне достаточно той красоты, которой наделена его жена. Так или иначе, всё это стало трагедией для многих интеллектуальных женщин.

В жизни Вольтерины был только один мужчина, ценивший её за красоту её духа и свойства её ума. Он оставался для неё живительным источником до собственной печальной кончины. Этим мужчиной был Дайер Д. Лам, товарищ Альберта Парсонса и его соредатор в «Тревоге» — анархистской газете, выходившей в Чикаго до самой смерти Парсонса. Как много эта дружба значила для Вольтерины, видно по её прекрасному посвящению Дайеру Д. Ламу в поэме «IN MEMORIAM», из которой я приведу лишь последнюю строфу:

*«Ах, жизнь, люблю тебя я за любовь того,
Кто всё величие твоё и боль раскрыл мне!
Теперь «в Нирвану», как поют нам голоса глубин,
И там, и там мы станем вновь одним».*

По меркам общепринятой нормальности Волтерина де Клер, конечно, не была нормальна ни своих чувствах, ни в своих реакциях. Однако, по счастью, величие мира не может быть исчислено цифрами или замерено на вес. Значимость людей, составляющих его, связана со смыслами и устремлениями, которые они привносят в бытие. И Вольтерина, несомненно, обогатила мир именно так — подарив ему возвышенную мечту.

Однако и сама она представляет собой ценный образец для исследователя человеческой сложности. Женщина, живущая от одной физической агонии к другой, но, несмотря на это, посвятившая себя служению угнетённым — самым разным, от детей до животных (она была словно охвачена великой любовью и готова была приютить у себя всех бездомных кошек и собак — даже ценой ссоры с подругой, которая протестовала против захвата кошки всего её жилого пространства); женщина, преданно любившая свою мать, и подерживавшая её ценой собственных лишений, — Вольтерина была

щедрой подругой, чьё сердце было открыто всем покинутым в боли и печали, но само сгорало впустую от материнского инстинкта.

Возможно, в атмосфере свободы и гармонии всё могло бы сложиться иначе, но единственный ребёнок Вольтерины не был желанным. Вся её беременность прошла в агонии, и роды чуть не стоили ей жизни. Положение дел усугубляла серьёзная размолвка, случившаяся как раз в это время между Вольтериной и отцом её ребёнка. Удушливая пуританская атмосфера, в которой они жили, не способствовала решению их проблем. Всё это в совокупности привело к тому, что маленькое новорожденное существо было обречено на частые скитания с места на место, а позже и вовсе было использовано отцом как приманка для того, чтобы заставить Вольтерину вернуться к нему. Впоследствии, лишённая возможности видеть ребёнка, Вольтерина даже не могла выяснить его местонахождение. Лишь спустя много лет она вновь смогла увидеть мальчика. Ему было уже 17.

Её попытки хоть как-то поправить его запущенное образование оказались тщетны — они были чужими друг другу. Вполне закономерно, что рядом с ней её сын чувствовал себя так же, как и большинство мужчин в её жизни; он так же был растерян перед её интеллектом, так же не принял её аскетичного образа жизни. Он избрал совсем другой путь. Вероятно, сегодня он один из 100% прочих американцев, заурядных и скучных.

Вольтерина де Клер любила юность и понимала её, как мало кто из зрелых людей. Так, она писала одному молодому другу, с которым не могла говорить иначе из-за его глухоты:

«Почему ты утверждаешь, что удаляешься всё дальше и дальше от тех, кто тебе дорог? Я думаю, что твой опыт в этом отношении связан не с твоей глухотой, а с кипением в тебе жизни. Все юные существа чувствуют, как приходит время, и новая волна жизни берёт над ними верх, направляет их вперёд, но они ещё не знают, куда. И тогда они теряют связь с отчим домом и родительской любовью, чтобы пережить натиск собственных внутренних сил. И даже если они могут слышать, они всё равно чувствуют себя хрупкими, утомлёнными и потерянными среди неопределённости.

Тебе кажется, что дело в твоей собственной глухоте. Да, она ужасна и мучительна, но всё же ты не должен обманываться, полагая, что проблема одиночества для тебя не стояла бы, будь ты способен слышать. Я в состоянии пред-

ставить себе, как твоя душа борется с безжизненностью, наполнившей твоё вынужденное затворничество. Я и сама никогда не могла обрести покой и избежать «неотвратимого».

Но противостояла ему даже тогда, когда уже не было ни смысла, ни надежды. Впрочем, главная причина одиночества, как видится лично мне, — охватывающий нас изнутри вихрь жизни, который со временем найдёт соразмерное себе воплощение».

Что такое «вихрь жизни», Вольтерина де Клер знала не понаслышке, равно как и о том, сколь трагичен и порой тщетен поиск пути его высвобождения. Ибо мало кто, как она, подавлял его так долго и так редко имел возможность дать ему волю за пределами текстов. Она избегала «компаний» и толпы, предпочитая работать дома. Общения с соседями она также избегала. Её замкнутость и затворничество, её неспособность сломать стену, возведённую годами истинно монастырского безмолвия и болезни, описаны в письме её юному товарищу.

«Большую часть времени я избегаю людей и разговоров. Особенно разговоров. За исключением лишь нескольких, очень немногочисленных людей, я терпеть не могу компании. По ряду причин, которые я никому не могу назвать, мне пришлось покинуть дом, в котором я прожила 20 лет, и всех друзей. И неважно, насколько хорошо обходятся со мной другие люди, я больше никогда не чувствую себя дома. Я словно потерянное странствующее создание, бесприютное и не имеющее надежды обрести когда-либо новый дом. Вот почему я не говорю много ни с тобой, ни с другими (за исключением, пожалуй, двух или трёх людей, которых я знала ещё на востоке). Я всегда где-то далеко. И я ничего не могу с этим поделать. Теперь я слишком стара, чтобы учиться любить что-то новое для себя. Даже дома я не говорила много, а круг моего общения ограничивался одним-двумя людьми. Мне жаль. Всё это не потому, что мне нравится быть угрюмой, но я не выношу компаний. Ты наверняка замечал, что я никогда не сажусь за один стол с незнакомцами. И моя замкнутость год от года становится всё больше. Но не беспокойся об этом».

Лишь изредка Вольтерина де Клер могла свободно открывать свою богатую душу — тем, кто действительно любил и понимал её. Она была чуткой исследовательницей человеческой души и её путей, быстро распознавая притворство и безошибоч-

но отделяя зёрна от плевел. Её наблюдения в этой области поражают пронизательностью и тонким спокойным юмором.

Временами она любила рассказывать анекдот о следователях, явившихся её арестовать. Это случилось в 1907 году в Филадельфии, когда блюстители закона ворвались в её дом. Они опешили от того, что Вольтерина выглядела совсем не так, как анархистов обычно изображают в газетах. Арестовывая её, они выражали искреннее сожаление, оправдываясь своим долгом выполнять приказ. Они произвели обыск в её квартире, разбро-

сав все книги и бумаги, и, в конце концов, обнаружили копию её сборника революционных стихов. Однако увидев название «Червь поворачивается», они просто пренебрежительно отбросили его в сторону, воскликнув: «Чёрт, это просто что-то о червяках».

Случалось, Вольтерине удавалось превозмочь свою застенчивость и стремление уединиться и по-настоящему почувствовать себя дома в кругу нескольких близких друзей. В остальное время её естественное состояние, отягощаемое регулярными физическими болями и оглушительным грохотом в ушах, делало её молчаливой и необщительной. Мрачность её была связана и с горькой болью о бедах, наполнявших мир. Жизнь ей виделась преимущественно в серых и чёрных тонах. Возможно, именно это помешало ей в своё время стать признанной величайшей писательницей своей эпохи.

Однако никто из тех, кто в состоянии оценить высокую литературную художественность и своеобразную музыкальность прозы Вольтерины де Клер, прочитав её сочинения или хотя бы фрагменты, приведённые в этом эссе, не сможет усомниться в том, что она всё же являлась таковой.

Например, её «Связка цепей», рассказывающая о чернокожем человеке, истязаемом в рабстве на строительстве дорог юга, представляет собой вершину стиля, чувства и описательной силы — истинную жемчужину, имеющую мало аналогов в англоязычной литературе. Её эссе исполнены силы, предельной ясности мысли и необычайной экспрессии. И даже её стихи, пусть и несколько старомодные по форме, на порядок выше многого из того, что публикуется в области поэзии сегодня.

Тем не менее Вольтерина де Клер не верила в «искусство ради искусства». Для неё искусство было скорее средством для звучания динамичного голоса жизни, со всеми её болезненными сторонами для всех страдающих и угнетённых, для всех, кто мечтает о свободе и посвящает свои жизни её достижению.

Однако ещё важнее, чем собственное творчество, для Вольтерины де Клер была жизнь как таковая, доступный ей высший героизм, подстёгиваемый неизменно сияющей Определяющей идеей. Пророк всегда находится в положении чужака даже в собственной стране. В особенности если это американский пророк. Спросите любого

среднестатистического гражданина, что он знает о подлинно великих мужчинах и женщинах своей страны, о возвышенных душах, которые приносят в мир вдохновение и красоту, об учителях, несущих новые ценности. И он не сможет назвать их. Как, в таком случае, мы можем узнать о невероятном человеке, чудом появившемся на свет в мрачном городе штата Мичиган и прожившем всю жизнь в нищете, — о человеке, который лишь силой непостижимого внутреннего видения сумел вытолкнуть себя из состояния живого мертвеца, очистить свой разум от тьмы и предрассудков, обратить лицо к солнцу, обрести великий идеал и донести его до каждого уголка своей страны? Но среднестатистический гражданин чувствует себя более комфортно, когда никто не тревожит его серую безмятежность.

Лишь немногим — тем, чьи души так же снедаемы болью мира, и кто сам нуждается в защите своего видения, лишь им по-настоящему необходимо знать о Вольтерине де Клер. Они должны знать, что и американская почва порой приносит изысканнейшие плоды. Сознание этого вселяет надежду. Это для них написано это эссе, для них Вольтерина де Клер, чьё тело покоится в Вальдхайме, способна духовно воскресать такой, какой она и была в действительности, — бунтующей поэтессой, свободолюбивой художницей, величайшей анархисткой Америки. Но куда выразительнее моих описаний — её собственные слова, завершающие главу «О становлении анархистки», и выражающие подлинное своеобразие её личности:

«Добродушные сатирики часто шутят, что «лучший способ исцелить анархиста — подарить ему удачу». Выглядит правдоподобно. Только вот «исцелить» я бы заменила на «подкупить». Полагая, что я не лучше прочих смертных, я всерьёз надеюсь, что как я работала — много, тяжело, и при этом — не ожидая удачи, так я и смогу работать до конца. Так дайте мне сберечь прямоту и честность моей души, среди всех материальных лишений — это я и предпочту превращению в беспозвоночное существо, лишённое идеалов и поглощённое заботами о материальном. Моей наградой станет то, что я живу среди молодых, и что у меня есть товарищи. На этом пути я и хотела бы умереть — с лицом, обращённым к востоку — к Востоку и Свету».

Вольтерина де Клер

Эмма Гольдман

В оформлении использованы кадры из фильмов Майи Дерен.

В тексте цитируются избранные работы Вольтерины де Клер, опубликованные в журнале Mother Earth, Нью-Йорк, 1914.

Эмма Гольдман
«Вольтерина де Клер»

Редактура, корректура, дизайн и вёрстка: коллектив AN-FEM
Перевод: коллектив AN-FEM
Издано коллективом AN-FEM
2020

ON
IF
them

